

УДК 94(476)''1954/1964''

Н. Б. Нестерович

Государственное научное учреждение «Институт истории Национальной академии наук Беларуси», Минск

**«ЗА ДОПУЩЕННУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ БЕСПЕЧНОСТЬ...»
(ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В БЕЛАРУСИ В 1954—1964 ГГ.)**

Введение. После смерти И. В. Сталина в период 1954—1964 гг., когда во главе руководства СССР стоял Н. С. Хрушев, во всех союзных республиках, включая БССР, наметились заметные перемены, обозначенные в научно-популярной литературе как «оттепель». Сущностью этих перемен были разворачивающиеся процессы десталинизации, демократизации советского общества. Началась массовая реабилитация граждан, необоснованно осуждённых в годы сталинского руководства, которая особенно усилилась после состоявшегося в феврале 1956 г.

XX съезда КПСС, осудившего культ личности И. В. Сталина и явившегося новым, ещё более значительным толчком к дальнейшей десталинизации общества. По данным В. И. Адамушко, только во второй половине 1956 г. — первой половине 1961 г. Верховным Судом БССР было рассмотрено свыше 30 тыс. дел в отношении более чем 50 тыс. человек и реабилитировано около 40 тыс. жителей республики; кроме того, Военная коллегия Верховного Суда СССР вместе с военными трибуналами округов реабилитировала свыше 20 тыс. жителей Беларуси, а всего по СССР — более 300 тыс. человек [1, с. 142]. Одновременно с этим проводилась работа по исправлению сталинского законодательства, прежде всего уголовного, его смягчению и избавлению от наиболее одиозных, вопиющих норм. В частности, было отменено понятие «враг народа» и, соответственно, уголовное наказание лиц, объявленных таковыми. Также отменялись такие виды уголовного преследования, как удаление на определённый срок из СССР, лишение избирательных прав, права занимать выборные должности в общественных организациях, права на пенсии, выдаваемые в порядке социального страхования и государственного обеспечения. Государственные преступления, которые ранее именовались контрреволюционными, стали называться особо опасными, и их число сократилось с 14 до 10. С 14 до 16 лет был повышен возраст наступления общей уголовной ответственности и с 12 до 14 лет — уголовной ответственности за некоторые тяжкие преступления. Максимальный срок лишения свободы лиц, совершивших преступление, был понижен с 25 до 15 лет. Впервые устанавливалось, что уголовное наказание применяется только по приговору суда [2]. Одновременно с мерами по исправлению законодательства сталинской эпохи предпринимались шаги по демократизации Компартии, укреплению принципа коллективности партийного руководства, призванные стать одной из основных составных частей процесса десталинизации, демократизации советского общества: вводилась практика регулярного обновления состава руководящих партийных органов, новая обязанность их систематически информировать партийные организации о своей работе, повышалась роль партийных собраний, конференций, пленумов, съездов и других коллективных органов, сокращался платный партийный аппарат путём более широкого привлечения в него коммунистов в качестве внештатных работников в порядке общественной деятельности и т. д. [3]. Результатом этих и других происходивших в СССР позитивных перемен стало улучшение ситуации в общественно-политической, культурной и духовной жизни страны. Они положили начало существенным изменениям в общественном сознании, его нравственному очищению. Освобождаясь от культа личности «великого вождя и учителя», массовых политических репрессий, «грубых» нарушений «социалистической» законности и других деформаций, советское общество становилось все более свободным. Росла общественная активность людей, чему способствовала и популистская политика Н. С. Хрущева, допускавшая несколько большую, чем при И. В. Сталине, инициативу широких масс и их влияние на развитие событий. Стремясь таким путём завоевать расположение и симпатии народа, он стимулировал активизацию не только партии, но и других общественных организаций, прежде всего самой массовой и значимой из них — профсоюзов. Однако это делалось по-прежнему под плотным контролем партийных органов, в строго допустимых пределах.

Основная часть. Вполне отчётливо курс партии на определённое повышение роли общественных организаций проявился на XI съезде профсоюзов СССР, состоявшемся 7—15 июня 1954 г. В постановлении съезда по отчётному докладу Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов (далее — ВЦСПС) констатировалось, что «в работе профсоюзов имеются серьёзные недостатки, уровень организационно-массовой, производственной, культурно-бытовой и воспитательной работы профсоюзов не отвечает требованиям, которые предъявляются профсоюзам на современном этапе... в практике работы ВЦСПС, центральных, республиканских, краевых, областных комитетов и советов профсоюзов получил широкое распространение порочный бюрократический стиль...» [4, с. 56—61]. Эти и другие отмеченные недостатки особенно были присущи Белорусскому республиканскому совету профсоюзов (Белсовпрофу). «Этот совпроф, — говорил председатель ВЦСПС Н. М. Шверник в отчётном докладе XI съезду, — выпускает массы решений, разрабатывает много планов мероприятий по самым различным вопросам, но не выполняет их. Члены президиума и работники совпрофа редко бывают в профсоюзных организациях, не вникают в существо их работы и не оказывают им конкретной помощи» [5]. В соответствии с критикой и указаниями ЦК КПСС, сделанными в его приветствии XI съезду профсоюзов и ставшими «боевой программой деятельности профсоюзов, повышения их роли в государственном, хозяйственном и культурном строительстве», съезд принял решение «повысить уровень всей деятельности профсоюзов сверху донизу», потребовал от всех профсоюзных организаций «со всей настойчивостью и решительностью искоренять канцелярско-бюрократические методы руководства, расширять и укреплять связи профсоюзных организаций с массами, всемерно развивать активность, инициативу и самостоятельность трудящихся», «строго соблюдать принципы профсоюзной демократии и коллективности в руководстве», «шире развернуть самокритику, и особенно критику снизу», «вести настойчивую, энергичную борьбу с проявлениями равнодушного и невнимательного отношения к нуждам трудящихся». Среди намеченных съездом задач профсоюзов на первом плане также фигурировали улучшение организации труда и производства, более энергичное развёртывание социалистического соревнования, вовлечение в его всех рабочих и служащих, повышение роли производственных совещаний и коллективных договоров, усиление внимания к вопросам нормирования труда и заработной платы [6].

Однако выполнение профсоюзными организациями новых задач, возложенных на них партией, оказалось не столь лёгким. Несмотря на некоторое улучшение, в целом работа их по защите интересов рабочих и служащих по-прежнему проводилась слабо. Поэтому критика профсоюзов партией за недостаточную защиту интересов рабочих и служащих и вообще неудовлетворительную работу не прекращалась на протяжении всего рассматриваемого периода. Наиболее сильно она звучала на XX съезде КПСС [7, с. 110] и на декабрьском 1957 г. Пленуме ЦК КПСС, специально рассмотревшем вопрос «О работе профессиональных союзов СССР» [8, с. 301—315]. Соответственно, такая критика проводилась и в Беларуси. Так, состоявшийся в октябре 1958 г. Пленум ЦК КПБ

принял постановление «О ходе выполнения постановления декабрьского Пленума ЦК КПСС “О работе профессиональных союзов СССР”», в котором отмечалось, что в деятельности профсоюзных организаций республики ещё полностью не изжиты недостатки, на которые указал декабрьский Пленум ЦК КПСС: многие из них пассивно занимаются вопросами улучшения работы предприятий, слабо борются за повышение производительности труда, неудовлетворительно руководят социалистическим соревнованием, недостаточно используют постоянно действующие производственные совещания и другие формы привлечения рабочих и служащих к управлению производством, мало уделяют внимания вопросам планирования производства, охраны труда и техники безопасности, контролю за соблюдением трудового законодательства и т. д. [9, с. 148—151]. Одновременно критике за недостаточное выполнение указаний декабрьского Пленума ЦК КПСС профсоюзные организации были подвергнуты и на уровне областных комитетов КПБ [10, л. 53—54]. Довольно резко профсоюзы республики критиковались и в последующие годы. Например, бюро Брестского сельского обкома КПБ, заслушав на своём заседании 2 сентября 1963 г. отчёт председателя обкома профсоюза рабочих и служащих сельского хозяйства и заготовок, постановило признать его работу неудовлетворительной, отметив, что он и его президиум «слабо справляются с возложенными задачами, вследствие чего уровень работы профсоюзных организаций ещё не отвечает задачам, поставленным XXII съездом партии» [11, л. 150—154].

Постоянная критика профсоюзов вполне вписывалась в политику дальнейшего подчинения их партийно-государственному руководству и контролю, усиления процесса огосударствления профсоюзов. Партийные органы по-прежнему утверждали и освобождали от должностей всех основных руководителей профсоюзных организаций, включая их в номенклатуру комитетов партии и расширяя её. Например, в соответствии с решением Брестского сельского обкома КПБ от 18 февраля 1963 г. в его номенклатуру вошли председатель и секретарь областного совета профсоюзов по работе профсоюзных организаций сельского хозяйства и учреждений, обслуживающих сельское хозяйство, председатели комитетов отраслевых профсоюзов области [12, л. 104—105]. Для «укрепления» профсоюзов в их руководящий состав направлялось всё большее число партийных работников. Если в 1956 г. в Беларуси в составе председателей фабрично-заводских и местных комитетов было 27% коммунистов, то в начале 1958 г. — уже 44% [13, с. 342]. Усиливая подчинение профсоюзов государству и КПСС, власти расширяли созданную для них специальную систему подготовки и обучения профсоюзных активистов. В 1955 г. в Минске на базе Республиканской школы профдвижения ВЦСПС, действовавшей до этого времени, были организованы профсоюзные курсы, которые в соответствии с решением Секретариата ВЦСПС от 5 октября 1957 г. передавались Белсовпрофу. Только за 1958—1959 гг. на этих курсах прошло обучение 2 429 человек [14, с. 371]. Кроме того, работа по обучению и инструктированию профсоюзных кадров проводилась на курсах и семинарах областных профсоюзных организаций. В результате, если в 1955 г. в Беларуси прошло обучение около 114 тыс. профсоюзных активистов, то только за первую половину 1964-го — 190,2 тыс., или 76,1% от годового плана. Планы обучения профсоюзного актива систематически перевыполнялись [15].

Одновременно с подчинением руководства профсоюзов государству и партии, как и ранее, проводилась государственная политика расширения контролируемого властями профсоюзного движения, включения в «школу коммунизма» практически всех работающих. Принадлежность к профсоюзу всё более становилась фактически обязательной. Человек, не вступивший в него, «выпадал» из сложившейся системы, терял значительную часть социальных благ и преференций, которые были предусмотрены только для членов профсоюзов (не мог стать в очередь на получение квартиры, получить путёвку в санаторий или дом отдыха, отправить ребёнка в лагерь отдыха и т. д.). На 1 июля 1964 г. профсоюзным членством в Беларуси было охвачено 96,4% всех работающих [16] против 93,7% на 1 января 1956 г. и 64,6% на 1 января 1946 г. [17]. Некоторые профсоюзные организации республики охватили своим членством ещё большее число рабочих и служащих. Так, в профсоюз медицинских работников на 1 июля 1964 г. входило 98,5% работающих в этой сфере, в профсоюз просвещения, высшей школы и научных учреждений — 99% [18].

С каждым годом огосударствление профсоюзов усиливалось. В соответствии с партийной установкой, что «по мере продвижения советского общества к коммунизму функции профессиональных союзов будут расширяться, в сферу их деятельности будут включаться все новые проблемы, которыми раньше занимались органы государственного аппарата» [19], профсоюзам всё больше и больше придавалось несвойственных им функций, которые в правовом государстве априори принадлежат государственно-властным, а не общественным или профессиональным структурам. Так, существенно расширило такие функции профсоюзов, предоставив им, в частности, право участвовать в разработке производственно-финансовых планов предприятий, в решении вопросов нормирования труда и организации заработной платы, осуществлять контроль за соблюдением трудового законодательства и выполнением коллективных договоров, не допускать увольнений с работы без их согласия, Положение о правах фабричного, заводского, местного комитета профессионального союза от 15 июля 1958 г., принятое по указанию ЦК КПСС. Кроме того, профсоюзы осуществляли государственное социальное страхование рабочих и служащих, назначали пособия по социальному страхованию, участвовали через своих представителей в назначении пенсий органами социального обеспечения, направляли рабочих и служащих на санаторно-курортное лечение и в дома отдыха, проверяли организацию медицинского обслуживания рабочих, служащих и их семей, контролировали выполнение планов жилищного и культурно-бытового строительства, следили за эксплуатацией жилищного фонда и коммунально-бытовых предприятий, участвовали в приёмке в эксплуатацию жилых домов, в рассмотрении и ежегодном утверждении репертуара народных театров и др. [20]. Многие важные решения принимались совместно партией, правительством и профсоюзами и становились обязательными для исполнения последними. К примеру, 7 августа 1963 г.

вышло постановление Совета Министров БССР и Белсовпрофа «О мерах по снижению инвалидности среди трудящихся и улучшению врачебно-трудовой экспертизы» [21], 4 сентября 1964 г. — постановление ЦК КПБ, Совета Министров БССР и Белсовпрофа «О повышении заработной платы работников просвещения, здравоохранения, жилищно-коммунального хозяйства, торговли и общественного питания и других отраслей народного хозяйства, непосредственно обслуживающих население» [22].

Таким образом, к концу рассматриваемого периода профсоюзы в СССР и БССР по-прежнему не были независимой общественной структурой, а являлись механизмом прямого влияния власти на население через эти общественные организации. К уже сказанному добавим, что ещё в марте 1957 г. первый секретарь Брестского обкома КПБ П. М. Машеров был вынужден констатировать, что «профсоюзы во многом утратили самостоятельный характер»: по СССР имеется свыше 130 тыс. освобождённых платных работников профсоюзного аппарата [23, л. 35]. В 1962 г. ВЦСПС для расширения самостоятельного характера работы профсоюзных органов был вынужден «рекомендовать совпрофам, центральным, республиканским, краевым, областным, городским, районным, фабрично-заводским и местным комитетам профсоюзов разработать и осуществить практические мероприятия по дальнейшему развитию и внедрению общественных начал в работу профсоюзных органов» [24, с. 19—24].

Анализ показывает, что такой же или сходной была политика власти и в отношении других общественных организаций. Стимулируя их активизацию, она одновременно усиливала контроль над ними, подчинение их государству. Следуя указанию ЦК КПСС, что ряд функций, выполняемых государственными органами, должен постепенно переходить в ведение общественных организаций [25, л. 6, 76], партийные комитеты всё больше втягивали руководителей и даже рядовых членов обществ и союзов в партийно-советскую работу, наделяли некоторые общественные организации государственно-властными функциями и полномочиями. Так, например, в марте 1955 г. к ДОСААФ перешла функция организации охраны жизни людей на реках, озёрах и прибрежных участках морей, выполнявшаяся ранее государственной организацией Союзосвод; в 1957 г. к Всесоюзному обществу «Знание» перешло от Комитета культуры СССР руководство лекционной пропагандой; в 1959 г. был ликвидирован Государственный комитет по физкультуре и спорту и его функции переданы Союзу спортивных обществ [26, с. 100, 113].

Партийные органы по-прежнему стремились подчинить своему влиянию и контролю деятельность практически всех самостоятельных объединений населения, охватить своим руководством все основные стороны их организации и работы. В частности, областные комитеты партии утверждали и освобождали от должностей первых секретарей обкома, горкомов и райкомов комсомола, давали разрешение областному комитету ВЛКСМ на проведение его пленумов и комсомольских конференций в области, назначали сроки проведения этих форумов, утверждали состав оргбюро по их подготовке и проведению, устанавливали задания по росту численности комсомольских организаций и т. д. [27]. Примерно в таком же направлении осуществлялся контроль областных комитетов партии за организацией и деятельностью, например, ДОСААФ, ДССО «Урожай». Так, секретариат Брестского обкома КПБ на своём заседании 22 января 1962 г. постановил разрешить обкомам ДОСААФ и ДССО «Урожай» провести областные конференции этих общественных организаций соответственно 6 февраля и 10 марта этого года, утвердил мероприятия по улучшению работы ДССО «Урожай», в частности, обязал его областной Совет добиться к концу 1962 г. роста численности этого общества до 95 тыс. человек [28, л. 3—4, 14]. 27 января 1964 г. бюро Брестского сельского обкома КПБ утвердило в должности нового председателя областного Совета ДССО «Урожай» [29, л. 7].

Результатом усилий партии и самих общественных организаций было некоторое повышение активности многих из них, укрепление их связи с населением, о чём в определённой мере свидетельствовал заметный рост их рядов. Так, к 1 января 1958 г. численность профсоюзных организаций Беларуси увеличилась примерно до 1,46 млн человек [30], а к 1 июля 1964 г. — до 2,248 млн [31], что почти в 2 раза превышало их численность на 1 января 1956 г. Рост произошёл и в целом по СССР [32]. Комсомол — вторая в СССР по массовости и значимости общественная организация — только с июня 1953 г. по июнь 1963 г. увеличил свои ряды примерно на 30 млн человек [33]. На 1 января 1965 г. комсомольская организация Беларуси объединяла 788,9 тыс. человек [34, с. 50], что на 19,3% превышало её численность на 1 января 1954 г. Если численность членов ДОСААФ СССР на 1 января 1954 г. составляла около 13,5 млн человек, то к февралю 1958-го — 28 млн, а к концу 1965-го — 54 млн человек (подсчитано по [35]). Ряды Всесоюзного общества «Знание» только с 1958 г. по май 1964 г. возросли почти вдвое — до 1,2 млн человек [36, с. 51]. Однако поднять активность ряда общественных организаций или их подразделений не удалось, а активность некоторых из них даже снизилась. В частности, резко критиковалась за это партийными органами Брестская областная комсомольская организация. Как отмечалось на пленуме Брестского обкома КПБ, состоявшемся 25—26 июня 1957 г. и рассмотревшем вопрос «О состоянии и мерах улучшения идейно-воспитательной работы среди молодежи области», из 275 тыс. юношей и девушек в возрасте от 14 до 26 лет, проживающих и работающих в области, комсомольцами являлись только 76 тыс. Если на 1 января 1955 г. в комсомольской организации области состояло 81 366 человек, то на 1 января 1962 г. лишь 76 347 [37, л. 5, 33]. 15 октября 1962 г. бюро Брестского обкома КПБ, рассмотрев вопрос «О состоянии роста рядов областной комсомольской организации», также обязало обком, горкомы и райкомы комсомола обратить «особое» внимание на увеличение рядов ВЛКСМ [38].

Усиливая свой контроль, партия, как и ранее, стремилась охватить своим влиянием и руководством все основные сферы общественной жизни. Особенно тщательно и жёстко она контролировала всё, что было связано с границей. Вот один из многих примеров. 8 марта 1961 г. специальным поездом из ГДР на станцию Брест-Центральный прибыли 336 немецких туристов, в связи с чем общественностью Бреста был организован митинг. Во время митинга на Граевскую (сегодня — Варшавскую) сторону вокзала был пропущен грузовой поезд, в составе которого находились вагоны со свиньями. «Остановка поезда с живностью, — отмечалось в протоколе заседания

бюро Брестского обкома КПБ от 14 марта 1961 г., рассмотревшего вопрос «О безответственном отношении руководства станции Брест-Центральный к встрече «Поезда дружбы» из ГДР», — вызвала возмущение присутствующих, в связи с доносящимся визгом свиней и резким неприятным запахом. Только при вмешательстве работников обкома КПБ грузовой транспорт со станции был отправлен». «Руководство отделения дороги и станции, — говорилось далее в протоколе, — зная о прибытии спецпоезда, поручило встречу второстепенным лицам, которые допустили в своей работе грубые ошибки. Такие действия руководства отделения железной дороги и станции Брест-Центральный наносят политический ущерб нашей стране». В итоге Бюро обкома КПБ постановило «за допущенную политическую беспечность, за безответственное отношение к порученному делу начальнику станции Брест-Центральный т. Кузькову Н. В. поставить на вид», а также «принять к сведению заявление т. Яковлева Т. В. (начальник Брестского отделения Белорусской железной дороги.— *Н. Н.*) о том, что виновные в остановке поезда наказаны в административном порядке». Кроме того, Брестскому горкому КПБ, начальнику отделения железной дороги и районной профсоюзной организации было предложено обсудить «вопросы укрепления служебной дисциплины и улучшения обслуживания иностранных туристов в предстоящем туристском сезоне» [39, л. 105—106]. А на следующем заседании, состоявшемся 30 марта, бюро Брестского обкома КПБ утвердило «мероприятия по улучшению обслуживания советских и иностранных туристов, следующих через область в 1961 г.», выполнение которых возлагалось на горкомы и райкомы партии, советские, хозяйственные, торговые, профсоюзные и комсомольские организации области, Брестское отделение Белорусской железной дороги. В частности, исполкому Брестского городского Совета депутатов трудящихся поручалось «в интересах чёткого обслуживания лиц, впервые прибывших в город, организовать в районе вокзала киоск горсправки, оборудовав его телефоном и другими необходимыми пособиями»; облкоммунхозу, «учитывая, что в прошлом имелись многочисленные случаи не размещения иностранцев в гостинице из-за отсутствия мест, в результате чего они вынуждены были ночевать в служебном помещении «Интуриста», в зале ожидания вокзала и других подсобных помещениях», — выделить в гостинице «Буг» 10—12 номеров для размещения иностранцев; Брестскому горкому, Брестскому, Кобринскому, Березовскому, Ивацевичскому, Барановичскому, Городищенскому райкомам КПБ — завершить к началу туристического сезона сселение хуторов, находящихся рядом с железнодорожной трассой, и «привести в надлежащее санитарное состояние населённые пункты на этом пути»; управлению торговли облисполкома, облпотребсоюзу, тресту железнодорожных ресторанов и буфетов — «привести в надлежащий порядок внешний и внутренний вид предприятий торговли и общественного питания, обеспечить необходимый ассортимент и высокое качество приготовляемых блюд, повысить культуру обслуживания интуристов» [40].

Как видим, в обкоме КПБ хорошо понимали, что для иностранных туристов, находившихся на митинге 8 марта рядом со «свинским» поездом, визг и запахи свиней были или могут быть ещё не самым тягостным впечатлением от увиденной советской действительности. Но, кроме мер контроля данной ситуации с целью снизить «нанесённый политический ущерб престижу страны», обком одновременно преследовал и другие цели. Среди пунктов утверждённых 30 марта «мероприятий» также были следующие: «Обкому комсомола до 10 апреля создать из числа наиболее передовых комсомольцев группу активистов в количестве 40—50 человек, в задачу которой вменить пресечение попыток распространения буржуазной идеологии со стороны отдельных иностранцев»; «В целях сокращения случаев неправильного поведения советских туристов, выезжающих за границу, усилить персональную ответственность лиц, дающих характеристики на выезжающих. Облсовпрофу выделить в месткомов низовых организаций лиц, ответственных за подбор кандидатов для поездки за границу. Представлять обкому КПБ материалы на кандидатов не позже чем за 1,5 месяца до их выезда за границу. Характеристики на подобных лиц утверждать в горкомов и райкомов КПБ»; «В целях соблюдения норм пограничного режима при приёме заграничных поездов начальнику Брестского отделения Белорусской железной дороги т. Яковлеву Т. В. доложить обкому КПБ к 20 апреля предложения, исключающие посадки пассажиров на пригородные поезда с платформы Граевской стороны вокзала, на которую принимаются пассажирские поезда из-за границы» [41]. Таким образом, «железный занавес» в СССР не только продолжал действовать, но и становился всё крепче. Партийное руководство страны по-прежнему опасалось, что расширение всесторонних связей со странами, имеющими более высокий уровень жизни и личных свобод, будет не в пользу советского образа жизни и, в конечном счёте, приведёт к ослаблению советского государства.

Контроль власти за обществом, её усилия по вовлечению в политическую, культурную и духовную жизнь населения, повышению его общественной активности доходили до такой степени, что высшее партийное руководство страны даже было вынуждено несколько ограничивать их. Так, 27 декабря 1963 г. Секретариат ЦК КПСС принял постановление «О многочисленных фактах отвлечения трудящихся в рабочее время на выполнение различных общественных обязанностей и участие в массовых мероприятиях». В целях его исполнения, например, Брестский сельский обком КПБ обязал партийные, советские, хозяйственные, профсоюзные и комсомольские организации, управления и ведомства «сократить до минимума проведение совещаний и заседаний... покончить с бесконтрольным отвлечением трудящихся из сферы материального производства». Партийным организациям и их комитетам совместно с органами партийно-государственного контроля ставилась отдельная задача «постоянно следить за тем, чтобы проводились лишь те собрания, совещания и заседания, которые действительно необходимы» [42]. Тем не менее ведущей линией партии было усиление её руководства и контроля во всех областях общественной жизни страны, прежде всего в политической. Всех, кто был недоволен и выступал против этой линии, преследовали и наказывали. Так, например, за отказ голосовать «за одобрение» письма ЦК КПСС «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов» после его обсуждения 4 января 1957 г. на партийном собрании в колхозе им. К. Е. Ворошилова Кобринского района бюро Брестского обкома КПБ

11 января этого года исключило из партии заведующего государственным сортоиспытательным участком этого колхоза П. А. Пехото с формулировкой «за антисоветскую, враждебную вылазку». Несколько членов партии, фактически поддержавших на собрании П. И. Пехото, были переведены из членов КПСС в кандидаты сроком на 1 год [43].

Заключение. Происходившие в период 1954—1964 гг. в БССР, как и в целом в СССР, процессы десталинизации, демократизации общества способствовали некоторому улучшению ситуации в общественно-политической, культурной и духовной жизни республики. Под напором происходивших перемен стал расшатываться один из краеугольных камней в фундаменте «государственного социализма» — тотальный контроль властей над духовной жизнью и образом мышления людей. Однако, при всей очевидной последовательности расширения советской демократии, она оставалась существенно ограниченной и значительно уступала западноевропейской. В условиях однопартийности безраздельно правящая Компартия продолжала жёстко контролировать все сферы жизнедеятельности общества, как на уровне коллективов, так и на уровне отдельного гражданина, а по некоторым направлениям этот контроль даже усиливался.

Список цитируемых источников

1. Адамушка У. І. Палітычныя рэпрэсіі 20—50-х гадоў на Беларусі. Мінск : Беларусь, 1994. 158 с.
2. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 г. — ноябрь 1958 г.) / сост. М. И. Юмашев, Б. А. Жалейко ; под ред. Ю. И. Мандельштам. М. : Госюриздат, 1959. С. 418—423 ; Национальный архив Республики Беларусь. Фонд 99. Оп. 5. Д. 74. Л. 165.
3. XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза 17—31 октября 1961 года : стенограф. отчет : в 3 т. М. : Госполитиздат, 1962.: 1) Т. 1. С. 251—254 ; 2) Т. 3. С. 15—16, 331—333, 343—345.
4. XI съезд профессиональных союзов СССР : [материалы]. М. : Профиздат, 1954. 64 с.
5. Там же. С. 56—61.
6. Там же. С. 3—5, 56—64.
7. XX съезд Коммунистической партии Советского Союза 14—25 февраля 1956 года : стенограф. отчет : в 2 т. М. : Госполитиздат, 1956. Т. 1. 640 с.
8. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК : в 14 т. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 8-е изд., доп. М. : Политиздат, 1970—1982. Т. 7: 1955—1959. 1971. 558 с.
9. Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК (1918—1975) : в 6 т. / Ин-т истории партии при ЦК КПБ. Минск : Беларусь, 1983—1987. Т. 5: 1956—1965. 1986. 598 с.
10. Государственный архив Брестской области (ГАБО). Ф. 1. Оп. 16. Д. 50.
11. ГАБО. Ф. 6992. Оп. 1. Д. 33.
12. ГАБО. Ф. 6992. Оп. 1. Д. 24.
13. Очерки истории профсоюзов Белоруссии (1905—1969 гг.) / Л. П. Липинский [и др.] ; редкол.: И. Н. Макаров [и др.]. Минск : Беларусь, 1970. 474 с.
14. Профсоюзы СССР: документы и материалы : в 5 т. М. : Профиздат, 1963—1974. Т. 4 : Профсоюзы в период завершения строительства социализма и начала развёрнутого строительства коммунизма (1953—1963 гг.) / сост. П. С. Петров [и др.] ; под ред. Т. В. Батаевой. 1963. 846 с.
15. Очерки истории профсоюзов Белоруссии (1905—1969 гг.). С. 333—334 ; ГАБО: 1) Ф. 797. Оп. 3. Д. 2. Л. 101 ; 2) Ф. 797. Оп. 3. Д. 21. Л. 3.
16. ГАБО: 1) Ф. 797. Оп. 3. Д. 2. Л. 100 ; 2) Ф. 797. Оп. 3. Д. 21. Л. 118.
17. Очерки истории профсоюзов Белоруссии (1905—1969 гг.). С. 288, 331.
18. ГАБО: 1) Ф. 797. Оп. 3. Д. 21. Л. 32 ; 2) Ф. 797. Оп. 3. Д. 19. Л. 148.
19. XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза 17—31 октября 1961 года. С. 119.
20. Сборник законов СССР... С. 455—459. ; Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. С. 311 ; ГАБО: 1) Ф. 797. Оп. 3. Д. 21. Л. 155—158 ; 2) Ф. 797. Оп. 3. Д. 19. Л. 16—26, 55—59, 89—94, 111—114, 226—229 ; 3) Ф. 797. Оп. 3. Д. 20. Л. 38—44.
21. ГАБО. Ф. 797. Оп. 3. Д. 2. Л. 64—70.
22. ГАБО. Ф. 797. Оп. 3. Д. 21. Л. 96—102.
23. ГАБО. Ф. 1. Оп. 14. Д. 17.
24. Сборник постановлений ВЦСПС. Апрель—июнь 1962 г. / Всесоюз. центр. совет проф.х союзов ; сост. М. И. Воронов. М. : Профиздат, 1962. 216 с.
25. ГАБО. Ф. 1. Оп. 16. Д. 31.
26. Ямпольская Ц. А. Общественные организации и развитие социалистической государственности. М. : Юрид. лит., 1965. 197 с.
27. ГАБО: 1) Ф. 6992. Оп. 1. Д. 33. Л. 54 ; 2) Ф. 6992. Оп. 1. Д. 24. Л. 105 ; 3) Ф. 6992. Оп. 1. Д. 86. Л. 24 ; 4) Ф. 1. Оп. 19. Д. 23. Л. 3—4 ; 5) Ф. 1. Оп. 19. Д. 24. Л. 107 ; 6) Ф. 1. Оп. 19. Д. 35. Л. 111 ; 7) Ф. 1. Оп. 19. Д. 43. Л. 6, 108, 155 ; 8) Ф. 1. Оп. 19. Д. 47. Л. 32, 63.
28. ГАБО. Ф. 1. Оп. 19. Д. 52.
29. ГАБО. Ф. 6992. Оп. 1. Д. 74.
30. Очерки истории профсоюзов Белоруссии (1905—1969 гг.). С. 349.
31. ГАБО: 1) Ф. 797. Оп. 3. Д. 21. Л. 32 ; 2) Ф. 797. Оп. 3. Д. 19. Л. 148.
32. Профсоюзы СССР: документы и материалы. Т. 4 : Профсоюзы в период завершения строительства социализма и начала развёрнутого строительства коммунизма (1953—1963 гг.) С. 330, 711 ; 2) Т. 5 : Профсоюзы СССР в период развитого социализма (1963—1973 гг.). С. 62.
33. Ямпольская Ц. А. Общественные организации и развитие социалистической государственности. С. 51.
34. Ленинский комсомол Белоруссии в цифрах и фактах. 1920—1980 / И. А. Сороковик [и др.] ; редкол.: К. М. Платонов [и др.]. Минск : Беларусь, 1980. 142 с.
35. ДОСААФ — Родине : сб. / Н. Г. Белоус [и др.] ; редкол.: Г. М. Егоров (предс.) [и др.]. М. : Изд-во ДОСААФ СССР, 1987. 381 с.
36. Ямпольская Ц. А. Общественные организации и развитие социалистической государственности. С. 51.
37. ГАБО. Ф. 1. Оп. 14. Д. 13.
38. ГАБО. Ф. 1. Оп. 19. Д. 43. Л. 9—12.
39. ГАБО. Ф. 1. Оп. 18. Д. 38.
40. Там же. Л. 169—171.
41. Там же. Л. 169—172.
42. ГАБО. Ф. 6992. Оп. 1. Д. 74. Л. 108—109.
43. ГАБО. Ф. 1. Оп. 14. Д. 21.